

ОБРАЗ СУДЬИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ СКАЗКЕ

Берберов Бурхан Абуюсуфович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), burhan_berberov@mail.ru

Кучукова Зухра Ахметовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», kuchuk60@list.ru

В рамках научной фольклористики авторами статьи рассматриваются художественные особенности «юридического цикла» карачаево-балкарской бытовой сказки. Первостепенное внимание уделяется собирательному образу «судьи», имеющему множество метафорических и аллегорических воплощений, простирающихся от условного зооморфного фигуранта до исторически достоверных представителей карачаево-балкарского политико-правового института «Тёре». К ним примыкает особая группа сказок, тематическим центром которых является «божий суд», вершимый посредством определенных сакральных предметов. Все судебные сказки организованы согласно следующей композиционной структуре: социальный конфликт между двумя антагонистами – апелляция к условному или профессиональному судье – судебное разбирательство – вынесение разумного или комического приговора – реакция окружающих на приговор судьи. В качестве конфликтующих сторон чаще всего выступают соседи, хозяин и работник, муж и жена, два брата, простак и хитрец. Провозглашение культа разума и идеи социальной справедливости является основным философским посылом проанализированных сказок.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, сказка, художественный конфликт, образ судьи, преступление, наказание, культ разума.

Стремительное развитие антропоцентрической филологии в XXI веке обострило интерес ученых к жанру народной сказки, где в концентрированной форме запечатлен многовековой опыт человечества в решении сложных онтологических проблем. Как отмечает американский фольклорист с мировым именем Кларисса Эстес, «в сказках есть наставления, помогающие нам пробиваться через жизненные тернии. Сказки убеждают нас в том, что таящийся в глубине архетип необходимо вытащить на свет, и дают способ, как это сделать»¹.

Из всех существующих в мировом фольклоре жанровых модификаций бытовая сказка является наиболее конфликтогенной по содержанию, поскольку ее психологическое пространство наполнено столкновением самых разных точек зрения, идей, позиций. Само название «бытовая сказка» подсказывает, что в ее орбиту вовлечены герои из гущи жизни – института патриархальной семьи (свекровь, теща, муж, жена, зять, сноха, дети), трудовой сферы (работодатель и трудящиеся), религиозной сферы (священнослужитель и прихожане) и т.д.

Карачаевский фольклорист Р.А.-К. Ортабаева, характеризуя бытовые сказки своего народа, пишет: «Они строятся на основе острого социального конфликта: человек из народа – пастух, землепашец, кузнец – сталкивается с представителя-

ми господствующих классов – богачом, мельником, судьей (*тёре*), эфенди (*эфенди*) – и, благодаря своему трудолюбию, честности, уму, выходит победителем («Три брата», «Хитрый эфенди» и др.)»².

Выявляя сущностные черты бытовой сказки, Т.В. Зуева справедливо подчеркивает, что «жанр оформлялся в период разложения родового строя параллельно сказкам волшебным и независимо от них, своеобразие его историзма определялось столкновением эпохи родового единства с новым миропорядком сословно-классового общества»³. Здесь же, касаясь персонажей бытовой сказки, исследовательница делает важное уточнение, что «фантастические образы (чёрт, Горе), появляющиеся иногда в бытовых сказках, нужны только для того, чтобы выявить реальный жизненный конфликт»⁴.

Во все времена человечество осознавало, что ценнее мира ничего нет на свете, вследствие чего изобретало всевозможные способы разрешения конфликтов. Сама ситуация, где сталкиваются два непримиримых антагониста со своими двумя «правдами», требовала вмешательства условного «третьего» участника, который по своим моральным и умственным качествам мог встать «над» ситуацией. Именно предлог «над» определяет позицию «судьи» (в широком смысле) в момент взрывоопасного столкновения двух противников. Обосновывая с философской точки зрения значимость фигуры «судьи» и процедуры справедливого судейства, культуролог В. Руднев пишет: «Важную роль при изучении механизма действия бинарной оппозиции играет понятие медиации, то есть посредничества между крайними членами оппозиции». Другими словами «в модальных оппозициях вводится третий срединный член, который нейтрализует два противоположных»⁵.

Свидетельством тому, насколько важное место в мировом фольклоре занимают «юридические» сказки, является издание в 1985 г. специализированного сборника «Книга о судах и судьях», где автор предисловия М.С. Харитонов пишет: «Легенды, рассказы, сказки, басни и анекдоты о судах принадлежат к числу наиболее распространенных в мировом фольклоре. Они имеются, по существу, у всех народов наряду с рассказами о хитрецах, глупцах и простаках, о состязаниях и разделах. Это и неудивительно: с древнейших времен, задолго до того как у разных народов оформилось государство и развитое право, в жизни людей постоянно возникали спорные и конфликтные ситуации, требовавшие третьей стороны разрешения»⁶.

В данной статье ставится задача на материале карачаево-балкарских сказок (бытовых и о животных) с привлечением соответствующего этнографического материала рассмотреть народную методологию разрешения бытийных конфликтов, а также воссоздать портрет судьбы во всем богатстве его вариативного спектра.

Сразу хотим пояснить, что многочисленные сказки о судьях не могут быть причислены к единой тематической группе. Обращая внимание на эту особенность «юридических» сказок, М.С. Харитонов пишет: «В знаменитом указателе Аарне-Томпсона это, например, номера 155 (неблагодарное животное хочет съест своего спасителя; оба обращаются к судьям), 926 («Суд Соломона»: две женщины претендуют на ребенка; судья выявляет настоящую мать), 976 (необходимо выяснить, кто из трех братьев вор; рассказывается история о благородных поступках жениха, возлюбленного и вора; тот, кто называет самым благородным вора, невольно выдает свою сущность и оказывается разоблачен); 1310 (о щуке, которую в наказание решили утопить), 1585 (человека научили, как притвориться на суде сумасшедшим, чтобы не уплатить советчику за помощь); 1660 («Шемякин суд»: человек показывает судье камень за пазухой; тот думает, что это взятка, и выносит несправедливый приговор) и многие другие»⁷.

Первобытному человеку с его мифологическим сознанием живая природа предоставлялась единым большим домом, где все субъекты и объекты связаны между собой видимыми и невидимыми нитями: «боги, духи, герои связаны чисто

человеческими семейно-родовыми отношениями»⁸. Язычникам, носителям пантеистического мировоззрения, кажется, что тотемное животное следит за миропорядком и является вершителем вселенской справедливости. Такого рода «верховным судьей» в карачаево-балкарском фольклорном сознании выступает волк. По законам симпатической магии, «юридические» полномочия волка переносятся на его зооморфные элементы. Такая форма архаического судопроизводства приводится в монографии М.Ч. Джуртубаева «Древние верования карачаевцев и балкарцев»: «Человеку, подозреваемому в воровстве давали в руки зажженную волчью жилу или заставляли его перепрыгивать через нее, полагая, что, если подозрения основательны, у вора начнутся корчи или что он распухнет и умрет. Когда подозреваемый отрицал факт воровства, а возможности проверить его не было, говорили: *«Къолунга бёрю сингир берге эдим»* – «Дать бы тебе в руки волчью жилу» – настолько велика была вера в магические свойства ее»⁹.

В рамках сложившейся фольклорной эстетики, как известно, в сказках о животных художественными «заместителями» людей выступают представители мира фауны. Не являются исключением и «юридические» сказки, где роли всех членов «следственного комитета» играют тщательно подобранные безымянным автором лесные звери. Ярким примером такого текста является анималистическая сказка «У лжеца короткий хвост». Суть конфликта: один лжец намеревается забрать себе новорожденного жеребенка своего соседа, ссылаясь на то, что тот рожден от его телеги, которую сосед одалживал, а не от собственной матери-кобылицы. По сюжету два соседа-антагониста отправляются за правдой в лесную «прокуратуру», где председательствует медведь, а среди свидетелей и защитников значатся другие звери.

В сказке колоритно выписан образ подкупленной лисы, которая казуистически, злонамеренно доказывает, что «раз жеребенок даже не подходит к кобыле, а все время стоит у телеги, значит, он признает телегу своей матерью»¹⁰. В роли честного и компетентного адвоката выступает опоздавший еж, который восстановил справедливость нетривиальным, остроумным способом. Свое опоздание еж стал объяснять неожиданно выпавшим густым снегом, непогодой. На возражение лисы о том, что в середине лета не может выпасть снег, находчивый еж ответил: «Только что ты, рыжая, говорила, что телега могла родить жеребенка, и хотела, чтобы все тебе поверили. Так почему же ты не веришь, что в середине лета может выпасть не только дождь, но и снег?»¹¹.

Прозвучавший риторический вопрос ежа возвращает членов «следственного комитета» в русло здравого смысла. Философская идея приведенной сказки сводится к тому, что социальные законы справедливости по своей абсолютной точности должны равняться физическим законам природы.

Судя по карачаево-балкарским сказкам, народный идеал судьи обладает сверхнормативным разумом. Недаром в большинстве определений, становящихся основой заголовочного комплекса, присутствуют концепты «ум», «разум», «мудрость», характеризующие судью – «Умная сноха», «Смышленный мальчик», «Учитель» и т.д. Умение мгновенно оценить опасность экстремальной ситуации, отделить поруганное добро от воинствующего зла, восстановить справедливость – все эти качества демонстрирует главный герой в сказке «Мудрый старик».

Первопричиной конфликта здесь становится обыкновенная человеческая доброта, граничащая с простодушием: крестьянин вызволил из сундука, встреченного по дороге, огромную змею. Неблагодарное пресмыкающееся, в котором тут же проснулся природный инстинкт, стало обвиваться вокруг тела своего спасителя с желанием съесть его. Крестьянин пошел на хитрость и предложил змее спросить у трех встречных, можно ли отплачивать злом за добро? Первые два персонажа (тощая лошададка и покалеченная корова) на собственном примере показали живучесть закона социальной несправедливости и фактически легализовали

вероломное намерение змеи. Третьим встречным оказался мудрец-старик, который рассудил по-другому. Выслушав доводы противоборствующих сторон, он сказал: «Ни одному из вас не поверю, пока сам не увижу, как могла змея уместиться в этом сундуке! Если все так, как вы говорите, я прошу змею снова залезть в сундук, чтобы я увидел это своими глазами»¹². И, естественно, едва змея заползла обратно в сундук, старик мгновенно захлопнул крышку сундука, вернув неблагодарного спасенного в его исходное состояние. В данном случае поступок находчивого старика можно квалифицировать как судебно-следственный эксперимент, который одновременно становится и обвинительным приговором, приведенным в исполнение прямо на месте преступления.

Важное место в юридической системе занимает фигура следователя. В самой этимологии данного слова содержится концепт «след», указывающий на необходимость отследить, проанализировать, правильно интерпретировать вещественные доказательства и причинно-следственные обстоятельства совершенного преступления. В мировом фольклоре многократно запечатлены образы таких тонких читателей бытийных знаков, по которым можно распутать весь клубок действий злоумышленника. Задолго до того, как ученые ввели в научный оборот термины «индуктивный» и «дедуктивный», народная фантазия успела запечатлеть в социально-бытовых сказках проницательных, наблюдательных героев, которые способны методом «от частного к общему» или «от общего к частному» сделать далеко идущие выводы относительно какого-либо загадочного инцидента.

Типичный образ такого «шерлока холмса» изображается в карачаево-балкарской сказке «Смышленный мальчик». Детективная история начинается с того, что у крестьянина пропал осел, и он с аульчанами бросился на его поиски, попутно осведомляясь у встречных, не доводилось ли им увидеть похищенное животное. Вскоре им повстречался мальчик, который дал полную характеристику пропавшего осла – «левый глаз не видит, на правую заднюю ногу хромает, а на спине у него мешок с овсом»¹³, хотя при этом уверял, что самого осла он не видел. Сельчане, убежденные в том, что мальчик и есть похититель чужого имущества, силой повели его к судье. Самооправдательная речь мальчика перед судьей и зрителями является своего рода «мастер-классом» следовательской работы, основанной на индуктивном методе расследования преступления: «Шел я по дороге и увидел следы копыт осла. След правой задней ноги меньше, а шаг короче, чем у остальных. Тут любой человек понял бы, что осел хромал на заднюю правую ногу. Дальше я заметил, что с правой стороны дороги трава съедена, а с левой даже не тронута. Если бы осел видел траву на левой стороне дороги, он пощипал бы и ее. Значит, тот осел слеп на левый глаз. Пошел я дальше и вижу: на ветках дерева остались нитки от мешковины, а под деревом рассыпан овес. Видно, осел остановился возле дерева, почесался об него – овес и рассыпался»¹⁴.

Вплоть до второй половины XIX в. в карачаево-балкарском обществе судебные функции исполнял общенародный Тёре – своего рода политико-правовой институт. Как отмечают историки, «принцип формирования этого Тёре был выборным. Выборы в Халк Тёре проходили один раз в семь лет. Балкарский Тёре собирался один раз в 2–3 месяца по мере накопления вопросов, общих для входивших в союз обществ»¹⁵. Полномочия народного суда были весьма обширными и включали в себя вопросы, связанные с корректировкой территориальных границ, надзором за ирригационной системой, ремонтом колесных дорог, сбором средств для народного ополчения, общественной жизнью аула, морально-этическим нормотворчеством и др. Любопытная деталь: в состав Тёре входило именно нечетное количество лиц, для того, чтобы при голосовании объективно выявлять приоритетную форму решения спорного вопроса.

При формировании данного политико-правового органа соблюдался и принцип демократического централизма, если учесть, что «на первом этапе аульный

сход избирал пять или семь выборщиков, кандидатуры которых до этого тщательно обсуждались на ныгышах, где взрослые мужчины проводили досуг, обменивались мнениями, иногда вырабатывали согласованные решения»¹⁶. После прихода исламской культуры на Северный Кавказ, в состав Тёре стали включать «мусульманского священнослужителя, который помимо шариатского обеспечения деятельности совета выполнял и обязанности секретаря»¹⁷. Фольклористы отмечают, что «в XIX веке в местечке Доннгат, между селениями Уллу-Эль и Думала, было построено специальное здание для заседаний тёре, развалины которого по сей день называются “Тёре джыйылгъан юй” – “Дом заседания тёре”»¹⁸.

В карачаево-балкарском фольклоре термин «*тёре*» иногда используется и как синоним «судьи». Народная память сохранила множество историй, где *тёре* или *тёречи*, благодаря своей смекалке, неординарному мышлению и отваге предотвращал победоносное шествие социального зла.

Общеизвестно, что одним из самых авторитетных народных заступников в культурном пространстве средневекового Северного Кавказа был Жабаги Казанок, образ которого запечатлен в фольклорных системах многих народов. Выступая на региональной научной конференции в 1985 г. Х.Х. Малкондуев отметил в своем докладе: «Во многих легендах Жабаги показан в тёре – общинном совете балкаро-карачаевцев, где решались спорные вопросы между отдельными людьми, родами, а также дела о преступлениях, мести, земельные тяжбы и т.д. Как правило, Тёре проходил в Чегемском ущелье»¹⁹. Ж.Г. Тхамокова, подчеркивая типологическое сходство самого известного на Северном Кавказе мудреца с мировыми судьями, пишет: «Если в древнееврейском это – Соломон, в индийском – Будда, в адыгском – Жабаги Казанок – национальный мудрец, поборник справедливости»²⁰.

Вместе с тем в фольклорном сознании карачаево-балкарского народа зафиксированы и отрицательные образы «народных судей», недобросовестно исполняющих свои профессиональные обязанности, легко поддающихся на коррупционные соблазны. Полновесный психологический портрет такого антигероя воссоздается в национальной бытовой сказке «Наны и Джаны». Содержательную основу текста составляет перечисление «преступлений» одного незадачливого бедняка, который «взял кусочек *джёрме* (домашняя колбаса) для своих голодающих детей со стола богатого брата», «оторвал хвост соседского осла, пытаюсь помочь вытащить животное из болота», «переночевал в чужом доме и был обвинен в воровстве», «пытаюсь от горя покончить собой, прыгнул с высокой скалы и ранил пастуха». В сопровождении целого отряда жалобщиков и обвинителей Джаны отправился к тёре и по дороге у родника подобрал красивый блестящий камень и на всякий случай засунул его за пазуху.

Судья с его потребительским отношением к клиентам в первую очередь обращает внимание на многообещающий сверток за пазухой бедняка, из чего сделал вывод, что оправдание бедняка сулит ему определенную материальную выгоду.

Абсурдный текст итогового судебного постановления выглядит как сатира на недобросовестных представителей правовой системы: «Выслушал он старшего брата и сказал: «Когда ты станешь бедным, а твой брат богатым, ты тоже укради у него кусочек *джёрме*». Выслушал он хозяина осла и сказал: «Ты отдай своего осла Джаны, а когда у него вырастет хвост, заведи его обратно». Выслушал он хозяина чердака и сказал: «Ты тоже можешь одну ночь переночевать на чердаке дома Джаны». Выслушал он пастуха и сказал: «Пусть Джаны сядет под скалой, а ты прыгни на него вниз со скалы!»²¹.

Камень, который вместо ожидаемого слитка золота бедняк вытаскивает в финале сказки, превратившись из утилитарного предмета в емкий иносказательный образ, символизирует силу народного гнева против нечистоплотного судопроизводства. Типологически сходный сюжет на тему «преступление и наказание» приводится также в карачаево-балкарской бытовой сказке «Бедняк и судья»²².

Исследованный нами материал показывает, что важное место в национальном фольклоре карачаевцев и балкарцев занимает специализированный цикл, посвященный образу народных судей, описанию типичных конфликтных ситуаций и способов достижения консенсуса. Для всех такого рода «судебных сказок» характерна поэтизация разума, носителем которого выступает честный, справедливый, мудрый конфликтолог. Судя по проанализированным сказкам, «каждая историческая эпоха имеет свои ценностные ориентации и присущие ей противоречия»²³.

Народный идеал «третейского суда» из фольклора переходит и в сферу профессиональной литературы, обретая художественное воплощение в произведениях классиков карачаево-балкарской литературы. Данный факт свидетельствует о вневременной актуальности тех культурных констант, «которые, так или иначе, имеют отношение к сохранению представлений о красоте, о духовности, о поисках гармонии в этом сложном мире»²⁴.

Примечания

1. *Эстес К.П.* Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. К.: София; М.: ИД «Гелиос», 2002. С. 28.
2. *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарская сказочная традиция // Традиции и современность. Метод и жанр. Черкесск, 1986. С. 117–132.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 992.
4. Там же.
5. *Руднев В.П.* Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. С. 39.
6. Книга о судах и судьях. Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов о спорах и тяжбах, о судах и судьях, о хитроумных расследованиях и удивительных приговорах / сост., вступ. ст., указ. и примеч. М.С. Харитоновна. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985. С. 5.
7. Там же. С. 6.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. I. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 13.
9. *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. С. 35.
10. Карачаево-балкарские народные сказки. Черкесск: КЧИГИ, 2006. С. 227.
11. Там же.
12. Балкарские и карачаевские сказки. М.: Детская литература, 1983. С. 66.
13. Там же. С. 16.
14. Там же.
15. *Хатуев Р.Т., Малкондуев Х.Х., Сабанчиев Х.-М.А.* Политико-правовые институты // Карачаевцы. Балкарцы. М.: Наука, 2014. С. 329.
16. Там же. С. 332.
17. Там же. С. 333.
18. Там же. С. 332.
19. *Малкондуев Х.Х.* Къазан улу Жабагы (Жабагы, сын Казана) // Жабаги Казанок – 300 лет: материалы региональной научной конференции (30–31 октября 1985 г.). Нальчик, 1987. С. 85.
20. *Тхамокова Ж.Г.* Адыгская бытовая сказка (сюжетный состав в сравнительном освещении). Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. С. 72.
21. Карачаево-балкарские народные сказки. Черкесск: КЧИГИ, 2006. С. 169.
22. Народные сказки балкарцев и карачаевцев. М.: Российский Архив, 2003. С. 226.
23. *Берберов Б.А.* Специфика художественного конфликта в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 1 (28). С. 84.
24. *Гутов А.М.* Константы в культурном пространстве. Нальчик: Эльбрус, 2011. С. 5.

IMAGE OF JUDGE IN KARACHAY-BALKARIAN FAIRY-TALE

Berberov Burkhan Abuyusufovich, Doctor of Philology, Leading Scientific employee, head of the Karachay-Balkarian folklore sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), burhan_berberov@mail.ru

Kuchukova Zukhra Akhmetovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literatures – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov», kuchuk60@list.ru

In the framework of scientific folklore authors of the article consider the artistic features of the «legal cycle» of the karachay-balkarian everyday fairy-tale. Primary attention is paid to the collective image of the «judge», which has many metaphorical and allegorical incarnations, ranging from the conventional zoomorphic figurant to the historically reliable representatives of the karachay-balkarian political and legal institute «Töre». The proclamation of the cult of reason and the idea of social justice is the main philosophical premise of the analyzed fairy-tales.

Keywords: karachay-balkarian folklore, everyday fairy-tale, artistic conflict, image of a judge, crime, punishment, cult of reason.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-78-84